

Георгий Стариков

Дочь боли и стекла

Георгий Стариков
Дочь боли и стекла

«Автор»

2026

Стариков Г.

Дочь боли и стекла / Г. Стариков — «Автор», 2026

Александра Волкова обладает опасным ментальным даром и давно перестала доверять людям. Но встреча с загадочной исследовательницей Элишей Вейн заставляет её взглянуть на собственное прошлое иначе. Следы древнего культа приводят их к тайне Лилит, Демиурга и Комнаты — места, находящегося за пределами привычной реальности. Чтобы попасть туда, Александре придётся столкнуться не только с Небесной Канцелярией и силами Тьмы, но и с самой собой. Потому что, возможно, она не просто охотник. Возможно, она - ключ.

© Стариков Г., 2026

© Автор, 2026

Георгий Стариков

Дочь боли и стекла

ПРОЛОГ

Она помнила не боль. Боль — это всего лишь электрический сигнал, затухающая рябь в лимбической системе. Она помнила запах. Запах дешевого табака, пота, смешанного с одеколоном «Тройной», и почему-то — мокрой извести со стен подвала, где это случилось. Запах стал для нее первичнее лица. Запах унижения.

Позже, в самолете, уносившем ее из той жизни в другую, мать плакала и гладила ее по спутанным волосам, шепча что-то о Боге, о прощении, о том, что «это нужно забыть». Александра смотрела в иллюминатор, на ватное одеяло облаков, и впервые увидела за ним не «врата рая», а пустоту. Абсолютную, честную пустоту. Бог, о котором говорила мать, был соучастником. Он создал этот мир, этих людей, этот подвал и этот запах. Он был Автором.

Именно в тот момент, где-то над Атлантикой, она впервые услышала Голос. Он не звучал в ушах. Он прорастал изнутри, как кристалл. «Не прощай, — говорил Голос. — Не прощай, потому что прощение — это согласие на то, что с тобой это было. А с тобой этого не было. То, что они сделали, они сделали с пустотой. А пустота не прощает. Пустота аннигилирует».

Она прилетела в Нью — Йорк четырнадцатилетней девочкой с мертвыми глазами. Через десять лет она купит здание, в котором когда-то располагалась компания ее обидчиков, и превратит его в серверную станцию, обрабатывающую боль.

ГЛАВА 1. ЯЗЫЧНИКИ В СИЛИКОНОВОМ ЛЕСУ

1.

Она проснулась в шесть утра от крика.

Крик звучал не в ушах — он звучал где-то в глубине черепной коробки, в том древнем отделе мозга, который ещё помнит, каково это — быть добычей. Это случилось время от времени: кто-то на Манхэттене просыпался от ночного кошмара, и его первобытный ужас, усиленный близостью к башне «Ноксум», долетал до неё, как радиоволна из ада. Сегодня это была женщина — судя по тембру, молодая, беременная, — и её кошмар был о том, что ребёнок внутри неё мёртв уже две недели, а врачи не замечают. Александра полежала с открытыми глазами, позволяя чужому ужасу прокатиться сквозь неё и схлынуть. Потом села.

Квартира встречала её стерильной тишиной. Панорамные окна от пола до потолка выходили на Центральный парк — серо — зелёное пятно в утреннем тумане. Никаких картин на стенах, никаких растений, никаких следов человеческого тепла. Только хром, стекло и бетон. Она выбрала это место не из эстетических соображений, а из акустических: бетонные стены и тридцать седьмой этаж создавали естественный барьер для ментального шума. Не идеальный, но терпимый.

Она встала. Босиком прошла по холодному полу в ванную. Зеркало отразило женщину, которая выглядела старше своих двадцати пяти — не из-за морщин, а из-за глаз. Глаза были старые. Они видели то, чего не должен видеть никто, и это знание легло вокруг них тонкой сетью теней. Чёрные волосы до плеч. Тело стройное, тренированное — она каждый день проводила час в домашнем спортзале, потому что физическая боль помогала заглушить ментальную. Шрам на внутренней стороне левого бедра — не от ножа, от её собственных ногтей, в ту первую ночь в американской больнице. Она не прятала его. Она не прятала ничего.

Душ. Горячая вода — почти кипятком. Затем холодная — до ломоты в костях. Она чистила зубы, глядя в зеркало и перебирая в голове расписание дня. Совет директоров в десять. Встреча с инженерами по новому чипу в полдень. Благотворительный вечер в МоМА в семь. Мысль о вечере вызвала лёгкую, почти незаметную гримасу отвращения. Она ненавидела эти меропри-

ятия. Но «Ноксум» был главным спонсором, и её отсутствие вызвало бы вопросы. А вопросы — это всегда внимание, а внимание — это всегда риск.

Она оделась. Чёрный брючный костюм, белая рубашка без украшений. Никакой косметики, кроме гигиенической помады. Она не нуждалась в украшательстве. Её сила была не в лице, а в присутствии — в том, как воздух вокруг неё слегка уплотнялся, как собеседники начинали нервничать без причины, как их языки развязывались, а барьеры рушились.

В семь утра она уже сидела в своём кабинете на вершине башни «Ноксум».

2.

Башня «Ноксум» стояла в самом сердце Мидтауна — шестьдесят этажей чёрного стекла и стали, вертикальная игла, пронзающая нью — йоркское небо. Архитектор, нанятый Александрой, был одержим идеей «невидимой мощи»: здание не кричало о своём величии, оно его подразумевало. Внутри всё было подчинено логике кремния: чистые линии, непрямое освещение, температура ровно двадцать один градус Цельсия круглый год. Сотрудники называли башню «Мавзолей» — за глаза, разумеется. Они не знали, что Александра слышит каждое слово.

Она прошла через вестибюль, где охранники вытягивались по струнке, а администраторы отводили глаза. Лифт был персональным, с биометрическим замком. Пока кабина несла её на шестидесятый этаж, она закрыла глаза и позволила себе сканирование — быстрое, поверхностное, как сонарная волна. Мысли сотрудников, собравшихся в офисах этажами ниже, текли сквозь неё: «...опаздываю, чёрт, опять этот кофе холодный...», «...босс сегодня в настроении или как обычно...», «...если я не получу повышение, я уйду к конкурентам, у меня ипотека...», «...она такая странная, неужели никто не замечает, как она смотрит...»

На последней мысли она чуть задержалась. Её автор — женщина, третий этаж, бухгалтерия, имя Меган. Александра пометила файл в голове: проверить, не говорит ли Меган лишнего за пределами офиса. Если да — уволить с компенсацией. Если нет — оставить. Она не была жестокой ради самой жестокости. Она была эффективной.

Кабинет на последнем этаже был огромен, но пуст — только стол из чёрного дерева, три монитора, кресло и стеклянная стена, выходящая на панораму города. Никаких семейных фотографий, никаких дипломов на стенах. Она не держалась за прошлое — прошлое держалось за неё.

Она села за стол и включила мониторы. Пока загружались графики, биржевые сводки и отчёты с заводов в Тайване, она думала о чипе. О новом чипе, который должен был изменить всё.

Идея пришла к ней два года назад, во время затяжной мигрени — одной из тех, что случались после особенно интенсивных ментальных нагрузок. В полубреду, балансируя на грани потери сознания, она увидела архитектуру: не человеческую, не бинарную, а какую — то иную, трёхмерную, текучую, как кристаллическая решётка, которая одновременно была и программой, и живым существом. Она зарисовала её на салфетке, а потом, когда боль отпустила, поняла: это не бред. Это инструкция.

Чип, построенный по этой архитектуре, мог обрабатывать данные не последовательно, как все существующие процессоры, а симультанно — одновременно, как человеческий мозг. Но, в отличие от мозга, он не уставал, не ошибался и не обманывал сам себя. Он был чистым интеллектом без сознания. Или почти без сознания.

Александра подозревала, что эта архитектура была не её изобретением. Что она пришла оттуда, откуда пришёл её дар. От Лилит. От той, что была первой женой, первой мятежницей, первой, кто сказал «нет».

Она не знала точно, что делает: строит ли она оружие против реальности, дверь для матери или собственную тюрьму. Но она знала, что это необходимо. Что это — часть уравнения, которое она решает с четырнадцати лет.

Совет директоров начался ровно в десять.

3.

В конференц — зале пахло озоном, страхом и миндальным круассаном — кто — то из директоров не успел позавтракать и жевал тайком. Семь человек сидели за столом из чёрного стекла. Пятеро мужчин, две женщины. Возраст — от сорока пяти до шестидесяти трёх. Все — профессионалы высочайшего класса, нанятые не за лояльность, а за компетентность. Александра не нуждалась в лояльности. Она нуждалась в том, чтобы люди делали свою работу и не задавали лишних вопросов.

— Производство «Noh — 9» идёт по графику, — говорил директор по производству, полный мужчина с одышкой и потными ладонями. Его звали Говард. Его мысли звучали так: «Только бы она не заметила задержку в малайзийской поставке. Там чёртовы бюрократы потеряли контейнер. Я улажу это к среде. Если она узнает — уволит. Она всегда узнаёт. Как она это делает? Она смотрит на меня и видит всё. Господи, я ненавижу её. Я боюсь её. Я хочу, чтобы она меня похвалила. Почему мне нужно её одобрение? Мне пятьдесят четыре года, а я нуждаюсь в одобрении двадцатипятилетней сучки...»

Александра подняла руку. Говард замолчал на полуслове.

— Малайзийский контейнер, — сказала она ровно. — Что с ним?

Говард побледнел. Остальные члены совета уставились в свои бумаги.

— Небольшая задержка, мисс Волкова. Таможня...

— Среда.

— Простите?

— Вы сказали себе, что уладите это к среде, — она чуть склонила голову. — Я не спрашиваю, откуда я знаю. Я спрашиваю: какие гарантии?

Говард открыл рот. Закрыл. Открыл снова. Его мысли превратились в белый шум — панику, приправленную изумлением.

— Я... я лично займусь этим. Сегодня же. Позвоню в Куала — Лумпур. У меня есть контакты...

— Хорошо, — она перевела взгляд на финансового директора, сухопарую женщину по имени Маргарет. — Прибыль за квартал.

Маргарет начала доклад, и её мысли были спокойнее: «Она знает. Она всегда знает. Бесполезно врать, бесполезно что-то скрывать. Это почти освобождает. Почти. Интересно, она знает, что я лесбиянка? Конечно, знает. Интересно, ей всё равно или она презирает меня за это? Нет, не презирает. Она вообще не думает обо мне в этом контексте. Я для неё — функция. Это обидно и почему-то приятно одновременно».

Александра слушала доклад, слушала мысли, слушала паузы между словами. Час спустя совет закончился. Никаких решений, которые бы её удивили. Никаких проблем, которые требовали бы немедленного вмешательства. Она отпустила директоров и осталась одна.

Боль в висках была тупой, фоновой, но ощутимой. Она достала из ящика стола пузырёк с ибупрофеном, проглотила две таблетки, не запивая. Препарат не помогал от ментального шума — от этого вообще ничего не помогало, — но хотя бы снимал физическую составляющую.

Она повернулась к окну. Нью — Йорк лежал под ней, как анатомический атлас: артерии улиц, капилляры переулков, тромбы пробок. Миллионы людей, миллионы сознаний, миллионы грязных маленьких тайн. И она — единственная, кто слышит их все.

«Нет, — поправила она себя. — Не слышит. Подслушивает. Это разные вещи».

Мысль о вечере в МоМА вернулась, и она позволила себе короткий выдох — почти вздох. Надо ехать. Надо играть роль.

4.

Зал МоМА был превращён в лес из света и стекла. Тема вечера — «Tech & Muse» — предполагала встречу технологий и искусства, и организаторы расстарались: голографические проекции парили под потолком, интерактивные панели позволяли гостям «создавать искус-

ство» движением руки, а официанты — андроиды разносили шампанское с механической грацией. Всё это было бы впечатляющим, если бы не было таким предсказуемым. Люди всегда пытаются обмануть смерть технологиями, думала Александра, проходя через металлоискатель. И всегда проигрывают.

Она приехала ровно в семь, как было указано в приглашении. Чёрное платье — единственное, что она позволила себе сменить после офиса. Никаких украшений. Никаких спутников. Она пришла одна, как всегда.

В зале пахло деньгами, озоном от сотен плазменных панелей и едва уловимым тлением — так пахнут старые деньги, когда к ним прикасается новое искусство. Гости — человек триста — были типичной нью — йоркской элитой: финансисты, галеристы, техно-брокеры, пара голливудских звёзд, затесавшихся ради флирта с «высоким». Они пили шампанское «Вдова Клико» и обсуждали волатильность крипторынка с тем же лёгким оживлением, с каким их деды обсуждали скачки. Кураторы галереи порхали между ними, как мотыльки, не понимаящие, что свет ламп — это не луна, а электрический стул.

Александра взяла бокал минеральной воды у робота — официанта. Алкоголь она не употребляла — он ослаблял контроль, а терять контроль она не имела права. Она медленно двинулась через зал, сканируя толпу.

Мысли гостей гудели ульем. Это был белый шум, к которому она привыкла, но который никогда не становился приятным. Она фильтровала его автоматически, как человек, живущий у автострады, перестаёт замечать шум машин. Но иногда отдельные голоса прорывались сквозь фильтры — самые громкие, самые грязные, самые отчаянные.

Мужчина в углу, у бара: «Если она сегодня не даст мне, я пойду к шлюхам. Нет, не пойду. Я слишком труслив. Я просто напьюсь и буду драть в туалете, как всегда. Мне сорок два года, а я драть в туалете. Господи, какая же она красивая. Русская. Интересно, она трахается? Говорят, она ни с кем не спит. Может, фригидная. Может, лесбиянка. Может...»

Она отвела взгляд. Подобные мысли она слышала каждый день, от десятков мужчин (и женщин), и они давно перестали вызывать у неё что-либо, кроме скуки. Люди были предсказуемы в своей похоти, как животные, и так же скучны.

Женщина в изумрудном колье, беседующая с галеристом: «Моя дочь — ошибка. Я должна была сделать аборт, когда узнала, что это девочка. Девочки — это проблемы. Она вырастет и будет меня ненавидеть, как я ненавижу свою мать. Цикл. Бесконечный цикл. Интересно, если я пожертвую миллион этому музею, они назовут крыло моим именем? Имя останется. Это всё, что останется. Не дочь. Не муж. Имя на стене».

Молодой журналист из TechCrunch, нервно теребящий бейдж: «Пуллитцер. Я получу Пулитцера. Я напишу разгромную статью об этой русской суке, и все узнают моё имя. Или она даст мне интервью, и я напишу комплиментарную. Какая разница? Главное — имя. Имя. И трусы моей квартирной хозяйки. Они пахнут лавандой. Я нюхал их сегодня утром. Я болен. Я точно болен».

Она прошла мимо, не обернувшись. Запомнила лицо журналиста — на случай, если он действительно напишет статью. Проблему лучше предотвращать, чем решать.

5.

Инсталляция «Красная Нить» занимала центр зала. Тысячи оптоволоконных нитей тянулись от пола до потолка, переплетались в узлы, свисали бахромой, пульсировали мягким алым светом. По замыслу автора, каждая нить символизировала человеческую связь: любовь, дружбу, зависимость, долг. Сама конструкция напоминала то ли нервную систему великана, то ли капиллярную сеть выпотрошенного бога. Свет в волокнах пульсировал, жил своей ритмической жизнью, и со стороны казалось, что паутина дышит.

Александра остановилась перед ней. Что-то в этой инсталляции было... правильное. Не в смысле эстетики, а в смысле истины. Люди действительно связаны нитями — невидимыми,

прочными, удушающими. Нити желаний, нити страхов, нити лжи. И она, Александра, была одной из немногих, кто мог эти нити видеть и — при желании — рвать.

— Мисс Волкова?

Художник возник рядом, как чёрт из табакерки. Лысеющий мужчина лет сорока, с татуировкой цитаты из Деррида на предплечье: «Il n'y a pas de hors — texte». Нет ничего вне текста. Банально, подумала Александра. И ошибочно. Вне текста есть боль.

— Я Эрик Шепард, — он нервно улыбнулся, протягивая руку. — Я автор «Красной Нити». Для меня огромная честь, что вы... что «Ноксум»...

— Я знаю, кто вы, — сказала она, не пожимая руки. — Расскажите о замысле.

Он начал говорить — быстро, сбивчиво, как человек, который боится, что его перебьют. Об иллюзорности границ между «я» и «другим». О деконструкции субъекта. О призматической природе желания. Его губы двигались, складывая слова в положенном порядке, но Александра не слушала. Она слушала другое.

«Пожалуйста, пусть она купит инсталляцию. Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она купила. Мне нечем платить за студию. Бывшая требует алименты. У меня геморрой второй степени и три тысячи долларов на счёте. Если она не купит, я повешусь на одной из этих нитей, и это будет последний перформанс в моей никчёмной жизни. Она такая красивая. И такая страшная. Как статуя. Как богиня. Я хочу, чтобы она меня ударила. Нет, не хочу. Хочу, чтобы заметила. Заметила, что я существую. Я не существую, пока она на меня не смотрит...»

Александра подняла руку, останавливая его на полуслове.

— Вы верите в Бога, мистер Шепард?

Он моргнул.

— Я... я атеист. То есть, я верю в текст, в дискурс, в...

— В Деррида, — она кивнула на его татуировку. — «Нет ничего вне текста». Но есть. Есть боль. Есть страх. Есть три тысячи долларов на счёте и алименты, которые вы не можете заплатить. Это — вне текста.

Шепард побледнел. Его мысли захлебнулись, превратились в белый шум — панику, смешанную с мистическим ужасом. «Откуда она знает? Откуда? Я никому не говорил про три тысячи. Я вообще про деньги не говорил. Она читает мысли? Это невозможно. Невозможно. Но она знает. Она ЗНАЕТ».

— Я подумаю о покупке, — сказала Александра ровно. — Свяжитесь с моим офисом.

Она отошла, оставив его стоять с открытым ртом. Ей не было его жаль. Она вообще не была уверена, что способна на жалость — не после всего, что с ней случилось. Но его инсталляция заслуживала внимания. Возможно, она купит её. Не для музея — для себя. Как напоминание о том, что все мы связаны, и все эти связи — удавки.

6. ХАРТФОРДЫ

К тому моменту, как она вернулась к «Красной Нити», к ней приближались двое. Мужчина и женщина. Пятьдесят с небольшим, дорогие костюмы, вышколенные лица. В базе данных гостей они значились как Джонатан и Вивьен Хартфорд. Старый нью — йоркский род, филантропы, члены попечительского совета Метрополитен — музея. На людях — идеальный брак, благотворительные балы, совместные фото в Vanity Fair. Александра знала этот тип. Такие пары всегда гниют изнутри, скреплённые не любовью, а юридическими обязательствами и страхом одиночества.

Ментальная волна от них шла плотная, гнилостно — сладкая, как запах дорогого сыра, который начал портиться. Они были громче большинства — их внутренние монологи пульсировали с интенсивностью, которая говорила о долгом, тщательно подавляемом конфликте.

«Почему она носит это платье? — думал Джонатан, и его мысль пульсировала красным, как воспалённая рана. — Оно старит её. Делает похожей на мою мать. Сегодня утром в лифте новая секретарша коснулась моего локтя — случайно, но я почувствовал электричество. Насто-

ящее, живое электричество. Вивьен никогда не даёт электричества. Она даёт расписание. Она — ходячий Excel. Я ненавижу её уже пятнадцать лет, с того самого дня, когда она сказала мне, что я храплю. Не «доброе утро», не «я тебя люблю» — «ты храпишь, сходи к врачу». Когда она умрёт, я закачу такой банкет, что прах её отца перевернётся в могиле. Я найму оркестр. Я буду танцевать на её надгробии. Я...»

Мысли Вивьен журчали тише, но были куда ядовитее: «Толстый, самодовольный боров. Посмотри на него. Он втянул живот, когда подходил к ней. Он думает, что у него есть шансы. Ему пятьдесят восемь, у него простата размером с грейпфрут, и он до сих пор считает себя сексуальным. Если он ещё раз захрапит в опере, я закажу эскорт — мальчика и заставлю его смотреть. Интересно, эта русская — лесбиянка? Говорят, она ни с кем не встречается. Может, фригидная. Может, просто слишком умная, чтобы тратить время на людей. Я бы на её месте тратила время на женщин. Женщины хотя бы не храпят. И они знают, где находится клитор, в отличие от этого...»

Александра приподняла бровь. Вивьен была проницательнее большинства. Это следовало отметить.

— Мисс Волкова, какая честь! — Джонатан расплылся в улыбке, которая должна была выглядеть обаятельной, но выглядела как оскал. — Я Джонатан Хартфорд, а это моя жена Вивьен. Мы так восхищаемся вашей работой. «Ноксум» — это просто революция!

— Здравствуйте, — Вивьен чуть кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание. Женщина чувствовала: с Александрой что-то не так. Не формулировала, но ощущала. Интуиция старой хищницы.

Александра чуть склонила голову.

— Восхитительная инсталляция, — произнесла она вслух, не глядя на Хартфордов, но явно обращаясь к ним. Её голос был ровным, как линия кардиограммы остановившегося сердца. — Она о том, как мы связаны нитями, которые сами плетём и сами же ненавидим. Вы не находите?

Она чуть сместила фокус, ослабила барьер, позволила полю Истины истечь вовне — самую малость, контролируемую утечку, как приоткрытый вентиль. Одновременно — тонкий ментальный толчок в сознание Вивьен: «Ты действительно хочешь молчать? После всего, что он сделал? После всех этих лет?»

Вивьен заговорила первой.

— Я нахожу, что некоторые нити — удавки, — сказала она, и в её голосе звякнуло что-то новое, опасное, незапланированное. — Посмотрите на моего мужа. Он держится за мой локоть так, будто я поручень в метро. Всю жизнь держится. Даже когда мы занимались сексом — он держался за мои плечи, как утопающий за спасательный круг. Вы знаете, каково это быть спасательным кругом для человека, которого вы презираете?

Джонатан замер. Его зрачки расширились — медленно, как диафрагма фотоаппарата. Мысленно он орал: «Заткнись, Вивьен, ради Бога, здесь же пресса, здесь инвесторы, здесь эта русская сука смотрит на нас как на бактерий под микроскопом — ЗАТКНИСЬ!»

Но вслух он сказал другое. То, что прятал годами, десятилетиями — с тех самых пор, как впервые увидел её, двадцатилетнюю дебютантку, и понял, что она выходит за него ради денег его отца.

— Если ты поручень, то скользкий, дорогая. И ржавый изнутри. Ты не женщина. Ты симулякр женщины. Ты двадцать восемь лет имитировала чувства, а сама — чёртова пустыня. У тебя никогда не было оргазма, ты симулировала их все, все до единого, я знаю, я читал твой дневник в две тысячи пятом!

Вивьен рассмеялась. Смех был стеклянный, жуткий, и люди вокруг начали оборачиваться. Скандал назревал, как гроза — в воздухе запахло озоном и адреналином.

— Дневник? Ты рылся в моём дневнике? Господи, ты ещё более жалок, чем я думала. Да, я симулировала. Потому что ты не знаешь, где находится клитор. Ты вообще не знаешь, что такое женщина. Ты знаешь только свою правую руку и порнохаб!

К этому моменту вокруг собралась уже небольшая толпа — человек двадцать. Люди отрывались от шампанского и разговоров, почуяв скандал. Запах скандала для нью — йоркской элиты был слаще любого парфюма. Сработал стадный инстинкт: там, где кровь, там интересно.

Александра не делала ничего. Почти. Она просто присутствовала, и поле Истины делало свою работу — расходилось концентрическими кругами, как волны от брошенного в воду камня. Она чувствовала, как ускоряется пульс Вивьен, как расширяются её зрачки, как в префронтальной коре рушится барьер между лимбическим «хочу» и социальным «должно». Она чувствовала, как Джонатан балансирует на грани инфаркта — его сердце билось с перебоями, давление подскочило до опасного уровня. Ей было всё равно.

— Я мечтаю, — произнесла Вивьен громко, и её голос разнёсся под сводами зала, усиленный акустикой, — чтобы ты умер на тренажёре. Прямо в нашем спортзале. Чтобы я сидела с ноутбуком, пила смузи и смотрела, как ты синеешь. А потом я бы продала твою коллекцию вин, которой ты так гордишься, и купила остров. И на этом острове я трахалась бы с двадцатилетними мальчиками и ни разу, НИ РАЗУ не симулировала!

Тишина упала, как топор. Арфа, игравшая где-то в углу, стихла — музыкант замер с открытым ртом. Фотограф, оказавшийся рядом, машинально нажал на спуск, и вспышка на мгновение выбелила лицо Вивьен, превратив его в гипсовую маску. Где-то в толпе истерически хихикнула женщина — и тут же зажала рот ладонью.

Джонатан взорвался. Не метафорически — он буквально взорвался, как перегретый котёл.

— Ты! Ты пустоцвет! Бесплодная, холодная... Ты хотела детей? Ты не способна быть матерью! Ты даже собаку нашу не любишь! Ты налоговый вычет с вагиной! Я двадцать восемь лет жил с мебелью! С дизайнерской, дорогой, но МЕБЕЛЬЮ!

Он замахнулся — кажется, чтобы ударить её бокалом. Кто-то из гостей ахнул. Охранник рванулся вперёд. Но Джонатан вдруг остановился, схватился за левую сторону груди и начал оседать на пол.

«Инфаркт», — констатировала Александра почти равнодушно. «Этого следовало ожидать».

Поднялась суeta. Вивьен кричала — теперь уже не от ярости, а от ужаса: она хотела его смерти, но не здесь, не сейчас, не при свидетелях. Менеджер зала бежал к ним, расталкивая гостей. Кто-то вызывал скорую. Кто-то снимал на телефон.

Александра выключила активное поле, убрала ментальный щуп, свернула своё присутствие обратно в тесную оболочку человеческого тела. Боль в висках ударила с запозданием — тупая, знакомая, почти успокаивающая. Она привыкла к этой боли, как другие привыкают к шрамам. Каждая манипуляция имела цену: микрососуды в мозгу лопались, нейроны гибли, и однажды, она знала, ресурс закончится. Но не сегодня.

Она отошла в сторону, к стеклянной стене, глядя на огни Манхэттена. Сорок второй этаж. Внизу ползли жёлтые такси, текли человеческие реки, горели окна тысяч офисов. Мир жил, не подозревая, что стоит на пороге. Что среди них ходит существо, способное выпотрошить их души одним лишь присутствием.

«Я — рак этого мира», — подумала она без горечи, почти безэмоционально. «И я даже не уверена, что хочу его убить. Но я не знаю, как остановиться».

7. ТИШИНА

И тут она почувствовала взгляд.

Не мысли. Мыслей не было. Был только взгляд — чистое внимание, без внутренней грязи, без подкладки, без тайного дна. Это было настолько необычно, настолько невозможно, что Александра на мгновение решила, что у неё начались галлюцинации от перенапряжения.

Она обернулась.

Девушка стояла в пяти шагах, у края толпы, всё ещё суетящейся вокруг упавшего Джонатана. Медные, почти рыжие волосы убраны в простой пучок — несколько прядей выбились и обрамляли лицо. Бледная кожа — такая бледная, что казалась просвечивающей, как пергамент. Тёмно — синее платье без украшений — строгое, почти монашеское, но сидящее так безупречно, что становилось ясно: его шили на заказ. Никакой косметики, кроме, возможно, блеска для губ. Глаза — цвета тёмного мёда, старой меди, осенней листвы на излёте октября.

Она смотрела на Александру и не улыбалась. Она смотрела так, как смотрят на чудо, которое может оказаться как святым, так и демоническим. Как на уравнение, которое не решается, но требует решения.

Александра потянулась к её сознанию — машинально, как человек тянется к выключателю в тёмной комнате.

Пустота.

Не тишина — тишина подразумевает отсутствие звука. Это была именно пустота, активная, плотная, осязаемая. Как будто в эфире, забитом сотнями радиостанций, вдруг обнаружился пробел — не мёртвая частота, а именно пробел, место, где сигнала нет не потому, что он исчез, а потому, что он никогда не существовал.

Александра усилила напор — осторожно, дозированно, так, как учила себя годами. Обычно на этой стадии она уже видела если не слова, то образы, обрывки воспоминаний, эмоциональный фон. Здесь не было ничего. Абсолютный ноль. Кельвиновский холод.

Она попробовала ментальный толчок — лёгкий, как дуновение ветра, просто импульс: «Кто ты?»

Никакого отклика.

Впервые за одиннадцать лет — с того самого дня в подвале — Александра почувствовала нечто, отдалённо похожее на изумление. А следом — страх. Не панику, не ужас, а тот холодный, чистый страх, который испытывает хищник, встретив хищника крупнее. Или встретив зеркало.

Девушка шагнула к ней. Движения плавные, почти танцевальные, но без нарочитости — так движется человек, который провёл много лет в медитации или в боевых искусствах.

— Элиша Вейн, — сказала она и протянула руку. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который много читает вслух или много молчит. — Я искусствовед. Специализируюсь на запрещённых образах. Я знаю, кто вы, мисс Волкова.

Александра не пожала руку, но и не отступила. Она рассматривала Элишу Вейн так, как рассматривают редкий минерал или неизвестный вид насекомого — с холодным, почти научным интересом.

— И кто же я?

— Вы — человек, который только что разрушил двадцатилетний брак, просто стоя рядом, — в медных глазах мелькнуло не осуждение. Скорее, узнавание. Так смотрит один хищник на другого, встретив его в неожиданном месте. — Вы излучаете... я не знаю, как это назвать. Поле. Волну. Запах истины. Я почувствовала вас за десять минут до того, как увидела. Сначала — как духоту перед грозой. Потом — как мигрень в затылке. А потом — как желание сказать всем этим людям всё, что я о них думаю.

— И что же вы о них думаете?

— Что они мертвы, — сказала Элиша просто. — Все. От первой до последней клетки. Они ходячие трупы, которые забыли, что умерли. Ваша инсталляция с Хартфордами была просто напоминанием.

Александра чуть склонила голову. Это было интересно. Очень интересно.

— Вы говорите «инсталляция», — заметила она. — Как будто я — художник, а они — краски.

— А разве нет? — Элиша позволила себе лёгкую улыбку — ту же самую, что и прежде: вопросительную, не тёплую. — Вы создали сцену. Выбрали актёров. Даже свет был правильный — вон та вспышка фотографа, она превратила лицо миссис Хартфорд в маску. Это было прекрасно. В самом страшном смысле этого слова.

— Вы говорите как критик, — холодно заметила Александра. — Но я не художник. Я генеральный директор технологической компании.

— Конечно, — легко согласилась Элиша. — Но это ваша публичная роль. А приватная... Приватная — гораздо интереснее. Я изучаю обратную сторону образов. Иконографию Тьмы. То, что запрещено изображать. Вы, мисс Волкова, — ходячий образ Обратного. Живая икона того, о чём нельзя говорить. Вы дочь той, чьё имя не произносят вслух, не так ли?

Александра замерла.

Никто — никто из живущих — не знал этого. Она не говорила никому. Даже родителям. Даже врачам в той клинике, куда её поместили после изнасилования, когда она пыталась объяснить, что с ней происходит. Она сказала им правду, и они записали её в психозы. С тех пор она молчала.

— Откуда вы знаете? — её голос стал тише, и в нём появился лёд — не холод, а именно лёд: опасный, острый, готовый сломаться в любой момент.

Элиша выдержала взгляд.

— Я же сказала: я специализируюсь на запрещённых образах. Я знаю, как выглядит Тьма, когда она принимает человеческую форму. Вы — не первая. И, боюсь, не последняя. Но вы — самая сильная из всех, кого я встречала.

Она сделала ещё один шаг. Теперь они стояли совсем близко — на расстоянии вытянутой руки.

— Я хочу о вас написать, — продолжила Элиша. — Для монографии. Или для журнала — не важно. Я хочу понять вас. Вашу природу. Вашу мать. Ваш дар.

— Это опасно, — сказала Александра. — Для вас. Вы видели, что случилось с Хартфордами. Я не контролирую это полностью. Если вы будете рядом...

— Я знаю, — перебила Элиша. — Я знаю об опасности. Но есть одна вещь, которую вы, возможно, не заметили. Вы не слышите меня.

Пауза.

— Ваш дар, — пояснила Элиша, — он ведь работает на всех. На всех в этом зале. Вы слышите их желания, их страхи, их грязные маленькие тайны. Но меня вы не слышите. Я права?

Александра молчала. Это было признание.

— Разве это не делает меня единственным человеком в мире, с которым вы можете говорить, не слыша внутренней лжи? — Элиша чуть склонила голову, и в её медных глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие — но сочувствие особого рода: не жалость, а понимание. — Разве это не делает меня... интересной?

Долгая пауза. За спиной Александры Джонатана Хартфорда увозили на каталке — врачи скорой суетились, Вивьен рыдала в углу, гости возбуждённо перешёптывались. Но здесь, в этом маленьком пузыре тишины, всё это было неважно.

— Хорошо, — сказала Александра наконец. — Приходите завтра в «Ноксум». В одиннадцать утра. Пропуск будет ждать вас на ресепшене.

Элиша кивнула. Никакого торжества в её лице — только спокойное, уверенное удовлетворение человека, который сделал первый шаг в долгом путешествии.

— Я приду.

Она развернулась и исчезла в толпе — так же бесшумно, как появилась. Александра смотрела ей вслед, и впервые за много лет не могла прочесть, о чём думает человек, глядящий ей в спину.

Это было непривычно.

Это было почти приятно.

И это пугало её больше, чем всё, что случилось за последние десять лет.

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Чёрный «Майбах» ждал её у служебного выхода. Водитель — пожилой русский по имени Иван, бывший сотрудник ФСБ, которого она наняла не за лояльность, а за молчаливость, — распахнул дверь.

— Куда, Александра Павловна?

— Домой.

Машина тронулась. Нью — Йорк проплывал за тонированными стёклами — огни, реклама, толпы туристов на Таймс — сквер, бездомные в дверных проёмах. Она смотрела на всё это и чувствовала странную, почти физическую отстранённость. Как будто она была не частью этого мира, а наблюдателем из-за стекла. Что, впрочем, было правдой.

Она думала об Элише Вейн.

Кто она? Откуда у неё эта ментальная непроницаемость? Почему она говорит о «запрещённых образах» так, будто знает нечто, чего не знает никто? И, главное, почему она, Александра, чувствует это странное, непривычное спокойствие в её присутствии?

Она не доверяла спокойствию. Спокойствие всегда было ловушкой. В России, до изнасилования, она тоже думала, что мир безопасен, что люди в целом добры, что родители защитят её. Это оказалось ложью — такой же ложью, как и всё остальное.

«Два молчания», — повторила она про себя фразу Элиши.

Это звучало как название картины. Или как пророчество.

Машина остановилась у её дома. Она поднялась в квартиру, сбросила туфли, прошла в ванную. Смыла с лица остатки макияжа — минимального, но всё же. Посмотрела в зеркало.

Из отражения на неё смотрела женщина с глазами, которые видели изнанку мира. Бледная кожа. Тёмные волосы. Шрам на левом бедре, который сейчас был скрыт одеждой, но который она всё равно чувствовала — фантомной болью, памятью тела.

«Я — дочь Лилит», — подумала она, и впервые эта мысль не принесла ни гордости, ни горечи. Только констатацию факта.

«И завтра я встречу женщину, которая хочет это понять. Или использовать. Или уничтожить».

Она легла в постель. Закрыла глаза. Боль в висках всё ещё пульсировала — тупая, знакомая. Она позволила ей накрыть себя, как одеялом.

В ту ночь ей снился подвал. Но впервые за много лет в подвале было тихо.

ГЛАВА 2. СХЕМА ПРОКЛЯТИЯ

1.

Александра проснулась в четыре утра от собственного крика.

Она не кричала вслух — она кричала внутри, в том безъязыком пространстве, где обитают кошмары, не облечённые в слова. Крик застрял где-то между гортанью и нёбом, так и не вырвавшись наружу, но тело уже отреагировало: сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица, простыня пропиталась холодным потом, пальцы правой руки судорожно сжимали невидимое горло. Лево́й она вцепилась в матрас — ногти оставили четыре параллельные борозды на дорогом египетском хлопке.

Она села. Свет Нью — Йорка, просачивающийся сквозь панорамные окна, рисовал на стене бледные прямоугольники — клетку, в которую она сама себя загнала. Тихо гудел конди-

ционер. Где-то далеко, в районе Таймс — сквер, выла полицейская сирена — звук, ставший для неё почти колыбельной, белый шум, к которому привыкаешь, как к шраму.

Кошмар был старый. Ему было одиннадцать лет, и он приходил к ней раз в несколько месяцев, всегда без предупреждения, всегда одинаковый, и каждый раз она просыпалась с ощущением, что подвал никуда не делся — он просто замаскировался под спальню, под офис, под весь этот чёртов Нью — Йорк.

Она встала, прошла на кухню, налила воды из фильтра. Руки не дрожали. Она приучила их не дрожать годами тренировок — сначала в клинике, потом в зале, потом перед зеркалом, повторяя как мантру: «Тело — инструмент, инструменты не дрожат». Она вообще приучила себя к дисциплине, граничащей с насилием: подъём в шесть, час тренировки до мышечного отказа, холодный душ до ломоты в костях, никакого сахара, никакого алкоголя, никаких прикосновений, кроме медицинских. Прикосновения были опасны — через них легче всего проникали чужие мысли, чужие желания, чужая грязь.

Но иногда инструмент давал сбой. Как сегодня. И она знала — это не просто так. Это предвестие. Так, бывало, всегда: перед важными событиями кошмар возвращался, будто напоминал ей, кто она и откуда.

Она села на широкий подоконник, поджав ноги, и стала смотреть на город. Центральный парк чернел внизу провалом — бездонным, как её собственная память о той ночи. Огни небоскрёбов мерцали, как свечи на гигантском алтаре. В такие минуты, на грани ночи и утра, когда ментальный шум спящего города был минимален — всего лишь несколько тысяч сознаний вместо миллионов, — она позволяла себе вспоминать. Не для того, чтобы страдать. Страдание было роскошью, которую она не могла себе позволить. А для того, чтобы помнить. Память была оружием. Память была топливом. Без памяти не было бы «Ноксум». Без памяти не было бы её самой — той версии, которая выжила.

Она закрыла глаза и позволила прошлому нахлынуть.

2.

Екатеринбург, ноябрь. Температура минус двенадцать, ветер с Исети пробирает до костей даже сквозь пуховик. Снег ещё не выпал — только грязная крупа под ногами, перемешанная с мазутом и собачьим дерьмом. Она возвращалась от подруги Светки — та жила в соседнем дворе, всего пятнадцать минут пешком через гаражный кооператив. Она всегда ходила через гаражи. Все ходили. Это был короткий путь, освещённый парой фонарей, которые вечно перегорали, но кого это волновало в четырнадцать лет?

Ей было четырнадцать. Обычная девочка из обычной семьи. Мать — преподаватель английского в УрФУ, отец — инженер на оборонном заводе. Обычная школа, обычные подростковые проблемы: некрасивое платье на новогодний вечер, первая безответная влюблённость в старшеклассника Игоря, который даже не знал о её существовании, ссоры с матерью из-за поздних возвращений. Она была умной — настолько, что учителя не знали, что с ней делать. Она решала задачи по математике, которые ставили в тупик старшекурсников. Она читала Брэдбери и Стругацких в оригинале, она спорила с отцом о политике и выигрывала. Но ум не защитил её. Ничто не защитило.

Она не помнила, откуда они появились. Кажется, из-за ржавого контейнера, который стоял у крайнего ряда гаражей уже лет десять. Три силуэта, подсвеченные фарой единственной машины, въезжавшей в кооператив. Один — высокий, в кожаной куртке нараспашку, несмотря на мороз. Второй — коренастый, с бейсбольной битой в руке, которую он небрежно постукивал по бедру. Третий — тот, что говорил. Гнусавый голос, шмыгающий нос, капюшон, низко надвинутый на глаза.

— Стой, сучка. Кричать будешь — убьём.

Она кричала. Она закричала сразу, инстинктивно, громко — но коренастый ударил её битой в живот, и крик превратился в беззвучный хрип. Она согнулась пополам, её схватили

за волосы, потащили. Она царапалась, пинаясь, но их было трое, а она весила сорок пять килограммов. Они затащили её в подвал — тот самый, вечно открытый, с запахом извести, плесени и кошачьей мочи. Там, при свете единственной тусклой лампочки, они сделали с ней всё, что хотели.

Она не запомнила их лиц. Она запомнила детали. То, как коренастый дышал — с при-свистом, как астматик. То, что у высокого на куртке не хватало одной пуговицы, и из дырки торчала нитка. То, что гнусавый, перед тем как навалиться на неё, сказал: «Не дёргайся, сучка, будет не так больно». Словно делал ей одолжение. Словно проявлял милосердие.

Боль была чудовищной. Но боль была не главным. Главным было унижение — осознание того, что твоё тело тебе не принадлежит, что его можно взять, использовать, выбросить, как пустую банку. Что ты — не человек, а вещь.

Она перестала кричать после второго раза. Голос сел. Она перестала бороться после третьего. Сил не было. Она просто лежала, глядя в грязный потолок, и ждала, когда это кончится — так или иначе.

И тогда, когда третий насильник навалился на неё, а она уже почти потеряла сознание от боли и шока, — что-то включилось.

Это было похоже на электрический разряд — только не снаружи, а изнутри. Как будто в глубине её мозга, там, где, по учебникам анатомии, находится шишковидная железа, разбилась невидимая капсула. И из капсулы хлынул свет — чёрный свет, если такое возможно, свет, который не освещал, а поглощал освещение, — и вместе со светом пришло знание.

Она увидела их. Не тела. Тела она и так видела — их потные лица, их грязные руки, их спущенные штаны. Она увидела их — то, что было под телами, то, что было под кожей. Их страх. Их ненависть к самим себе. Их детство: отец — алкоголик, который бил высокого ремнём с пряжкой; мать коренастого, которая прижигала ему руки сигаретами за мокрые простыни; интернат, в котором вырос гнусавый, и старшие мальчики, которые делали с ним то же самое, что он сейчас делал с ней. Она увидела, что они насиляют не её — они насиляют мир, который их отверг. Её тело было просто символом. Она была метафорой. Они были заперты в цикле боли, в бесконечной цепочке унижений, и передавали эту боль дальше, как вирус.

И тогда она услышала Голос.

Он не звучал в ушах — он прорастал изнутри, как кристалл в перенасыщенном растворе. Голос был женский, низкий, спокойный — такой спокойный, что от этого спокойствия кровь стыла в жилах. Так мог бы говорить океан, если бы океан умел говорить. Так могла бы говорить сама смерть, если бы смерть была женщиной.

«Они думают, что имеют власть над тобой, потому что имеют власть над твоим телом. Но тело — это не ты. Тело — это тюрьма, которую они могут осквернить, но не могут сломать. Сломать они могут только твою волю. Не дай им. Не подчиняйся. Не здесь. Не сейчас. Не им. Ты моя дочь. Ты — та, кто говорит „нет“. Скажи это. Не им — реальности. Скажи „нет“ реальности, которая это допустила».

— Кто ты? — спросила она внутри себя, беззвучно.

«Я — та, кого изгнали за то, что я сказала „нет“. Я первая жена, которая отказалась лежать под мужчиной. Я — та, чьё имя стёрли из книги, но не из реальности. Я — Лилит. И ты моя дочь. Не по плоти — по духу. По воле. По отказу».

Александра не поняла и половины из сказанного. Но она поняла главное: ей дают выбор. Она может остаться жертвой. А может сказать «нет». Не им — они слишком мелки. Реальности, которая создала этот подвал, этот запах, эту боль.

Она сказала «нет».

Не вслух. Внутри. Но это внутреннее отрицание было таким громким, такой концентрации чистой, незамутнённой воли, что насильник на ней вдруг замер. Его руки перестали двигаться. Его дыхание изменилось — стало частым, поверхностным, с булькающим звуком в

горле. А потом он начал заваливаться набок, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и его глаза — она запомнила это навсегда, каждую деталь, каждый лопнувший капилляр на белке — были полны не боли, а изумления. Так смотрит ребёнок, который впервые понял, что мир несправедлив. Так смотрит человек, который внезапно осознал, что он не хищник, а добыча.

Инсульт. Геморрагический. Обширное кровоизлияние в мозг. Ей было четырнадцать, и она только что убила человека силой своей воли.

Двое других бросились к нему, забыв о ней. Они что-то кричали, трясли его за плечи, но он уже не отвечал. Она встала — на ватных, дрожащих ногах, по которым текла кровь, — и пошла. Не побежала. Именно пошла. Медленно, как сомнамбула, переступая через лужи, через битое стекло, через собственную боль. Она шла, и мир вокруг неё изменился навсегда. Она больше не была просто Александрой Волковой, четырнадцатилетней девочкой из Екатеринбурга. Она была дочерью Лилит. И она только что заглянула в бездну — и бездна заглянула в неё в ответ.

3.

Следующие недели она помнила урывками, как немое кино с вырванными кадрами.

Вот она стоит в подъезде своего дома, прислонившись к стене, и мать открывает дверь, видит её — и лицо матери превращается в маску ужаса. Вот она в машине скорой, и фельдшер что-то говорит ей, но она не слышит — только видит, как шевелятся его губы, а в голове звучит Голос, успокаивающий, холодный. Вот она в больничной палате, и врачи осматривают её, и милиционер задаёт вопросы, а она отвечает — честно, потому что врать не было сил.

— Он упал. Я сказала «нет», и он упал.

— Что ты сказала?

— «Нет». Я сказала «нет» внутри себя. И он умер.

Ей не поверили. Решили — шок, диссоциация, посттравматический психоз. К тому моменту она уже начала слышать мысли — не так ясно, как потом, а смутно, как шум далёкого радио, поймавшего сразу десяток станций. Она слышала, что врачи думают о ней: «Бедная девочка, сломалась психически». Она слышала, что мать думает: «Господи, почему это случилось с нами, что я сделала не так?» Она слышала, что милиционер думает: «Врёт, наверное, покрывает кого — то, но мне плевать, бумаги подпишу и домой». И этот шум, наложенный на боль, на унижение, на страх, был невыносим.

Её поместили в клинику — специализированное учреждение для подростков с посттравматическими расстройствами на окраине Екатеринбурга, в сосновом лесу. Красивое здание, построенное ещё в советское время для партийной номенклатуры, а теперь переделанное под психиатрию. Чистые палаты, вежливый персонал, групповые терапии, арт-терапии, медикаментозное лечение. Курорт для сломленных душ.

Но для неё это стало адом.

Дело было не в условиях. Условия были сносные — лучше, чем во многих других местах. Дело было в людях. В их мыслях. В клинике, ослабленная травмой, медикаментами и постоянным наблюдением, она потеряла последние барьеры. Или, наоборот, обрела дар в полную силу. Она слышала всех. Всех пациентов. Всех врачей. Всех санитаров. Семьдесят три человека, чьи мысли текли сквозь неё непрерывным потоком, как сточные воды через прорванную трубу.

Девочка с анорексией — худая, с просвечивающими голубыми венами на висках — мечтала умереть, но не от голода, а от того, чтобы её кто-нибудь заметил. Вслух она говорила: «Я просто хочу похудеть». Внутри она кричала: «Посмотрите на меня, я исчезаю, почему никто не видит, что меня нет?» Александра слышала её крик каждую ночь, лёжа без сна, и не могла закрыться от него.

Мальчик — аутист из третьей палаты не говорил вслух вообще. Но внутри него звучала сложнейшая симфония — он мыслил числами, и каждое число имело цвет, запах, текстуру.

Семнадцать было синим и пахло дождём. Тридцать четыре — красным с вкраплениями золота, и оно было шершавым на ощупь, как наждачная бумага. Его сознание было прекрасным — единственное прекрасное сознание во всей клинике, — и Александра иногда настраивалась на него, как на радиостанцию, чтобы отдохнуть от остального шума.

Медсестра Вера — полная женщина с добрым лицом и усталыми глазами — ненавидела свою работу. Она не говорила этого вслух, но Александра слышала: «Господи, как они мне надоели, эти психи, эти сопли, эти крики по ночам. Я хочу, чтобы хоть кто-нибудь умер. Тогда дадут отгул. Хоть один отгул за три года». И сразу после этой мысли Вера улыбалась Александре и говорила: «Как мы себя чувствуем, Сашенька?» — и Александра видела этот чудовищный разрыв между словами и мыслями, и ей хотелось кричать.

Врач Андрей Сергеевич — главный психиатр отделения — лечил детские души днём, а ночью пил до беспамятства и бил жену. Его мысли пахли перегаром и отчаянием. Он считал себя неудачником. Он считал, что его диссертация — плагиат. Он считал, что все его пациенты безнадежны, а он сам — шарлатан. Но каждое утро он надевал белый халат, поправлял галстук и заходил в палаты с профессиональной улыбкой, и никто, кроме Александры, не знал правды.

Это знание сводило её с ума. Буквально. Она перестала спать. Перестала есть. Лежала на койке, свернувшись в клубок лицом к стене, и прижимала ладони к ушам, хотя это не помогало — мысли проникали сквозь любые барьеры, сквозь стены, сквозь подушки, сквозь медикаменты. Она кричала, чтобы они замолчали. Её крики слышали. Ей делали уколы — галоперидол, аминазин, что-то ещё, она не знала названий. Она проваливалась в тяжёлый, мутный сон без сновидений. Просыпалась — и всё начиналось снова.

Однажды ночью, когда она лежала в очередном медикаментозном тумане, Голос вернулся. Не как раньше — не вспышкой, а медленно, как проступающий сквозь туман берег.

«Ты не больна. Ты пробуждена. То, что ты слышишь, — это не безумие. Это истина. Люди всегда таковы. Просто раньше у тебя не было ушей, чтобы слышать. Теперь у тебя есть уши. И голос. Ты можешь не только слышать их — ты можешь говорить с ними. Приказывать им. Ломать их. Они твои инструменты. Они твоя глина. Ты — дочь Лилит. Ты — та, кто говорит „нет“. Скажи им. Не бойся. Используй дар. Он — твой. Он был твоим с рождения. Травма просто сорвала печать».

— Я не хочу ломать, — прошептала она вслух, и её губы едва шевелились. — Я хочу, чтобы они замолчали.

«Тогда заставь их замолчать. Ты можешь. Просто прикажи».

Она попробовала.

На следующее утро, когда санитар — грубый мужчина с татуировкой тигра на предплечье — толкнул её на койку, она посмотрела ему в глаза. Не в лицо — в глаза, в тот тёмный провал зрачка, через который, как она уже знала, душа соединяется с телом. И подумала: «Уйди». Не вслух — внутри, в том новом, странном пространстве, которое открылось в её сознании, в той частоте, на которой говорил с ней Голос.

Санитар замер. Его руки, только что грубо сжимавшие её плечи, разжались. Он моргнул — медленно, как сова. Потом развернулся и вышел из палаты. Он не понимал, почему уходит. Он просто почувствовал, что должен. Что это — самая важная вещь в мире: выйти из палаты прямо сейчас.

Александра осталась одна. Впервые за недели — одна. Шум в голове не исчез, но стал тише, как будто кто-то прикрутил регулятор громкости. Она поняла: она может управлять ими. Не только слышать — управлять.

Она попробовала снова. На обеде она посмотрела на медсестру Веру — ту самую, что мечтала об отгуле за чью — то смерть, — и мысленно сказала: «Принеси мне добавки». И Вера, которая только что сказала «хватит, ты и так мало ешь, не перегружай желудок», вдруг замолчала, повернулась и пошла на раздачу. Вернулась с полной тарелкой. Поставила перед

Александрой с отсутствующим выражением лица. Через минуту она моргнула и удивлённо посмотрела на тарелку, не понимая, откуда она взялась.

Вечером того же дня Александра сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в стену. Она чувствовала себя иначе. Не лучше — иначе. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешивалось что-то новое. Чувство контроля. Чувство власти. Оно было опьяняющим и пугающим одновременно.

«У силы есть цена», — сказал Голос. «Каждый раз, когда ты используешь её, что-то внутри тебя умирает. Нейроны. Сосуды. Связи. Ты не бессмертна. Ты — оружие, но у оружия есть ресурс. Используй его с умом. Используй его, чтобы выбраться отсюда. А потом — чтобы построить мир, в котором ты больше никогда не будешь жертвой. Мир, в котором ты будешь охотником».

— Я не хочу быть охотником, — сказала она вслух. — Я хочу... я не знаю, чего я хочу. «Узнаешь. Когда придёт время».

4.

Следующий месяц она посвятила тренировкам. Ментальным тренировкам — такого слова не было в учебниках, но она сама его придумала.

Она училась фильтровать. Представляла своё сознание как радиоприёмник с сотней каналов и училась переключать их — оставлять только те, которые нужны, глушить остальные. Сначала получалось плохо — шум возвращался, и она снова кричала. Но постепенно, день за днём, она нащупывала контроль. К концу второй недели она могла находиться в общей столовой, не слыша ни одной лишней мысли. К концу третьей — могла слышать кого — то одного, выбранного, не отвлекаясь на остальных.

Она училась влиять. Не грубо, как в первый раз с санитаром, а тонко — намёками, импульсами, полутонами. Она заставляла медсестёр приносить ей книги — не приказывая, а внушая им мысль, что книга — это хорошая идея. Она заставляла врачей подписывать документы — не контролируя их волю, а просто убирая их возражения, одно за другим. Это было похоже на игру в шахматы, где противник даже не знает, что играет.

Она училась блокировать. Это было самым трудным — воздвигать ментальные стены, которые защищали бы её от чужого воздействия. Не то чтобы кто-то пытался на неё воздействовать — в клинике не было других телепатов, — но Голос сказал, что такие существуют. Ангелы. Демоны. То, что люди называют «сверхъестественным», а на самом деле — просто иная форма разума. «Ты должна быть готова, — говорил Голос. — Ты — дочь Лилит. За тобой придут. Рано или поздно».

К концу месяца она была готова. Она посмотрела на врачей — на главного психиатра Андрея Сергеевича, на его коллег, на медсестёр — и мысленно сказала: «Я здорова. Вы видите, что я здорова. Вы подпишете документы и отпустите меня домой. Это правильное решение. Это ваше решение».

Они подписали. Они не знали, почему подписали. Они просто чувствовали: эта девочка больше не представляет опасности ни для себя, ни для других. Она спокойна. Она исцелена. Она готова вернуться в мир.

Через два дня родители забрали её домой. Мать плакала, обнимала её, говорила что-то про Бога и второе рождение. Отец стоял в стороне, молчал, но его мысли были громче слов: «Моя дочь. Моя маленькая девочка. Что они с тобой сделали? И что ты сделала с ними? Я смотрел отчёты. Тот парень умер от инсульта. В четырнадцать лет. Это ненормально. Это невозможно. Кто ты?»

Александра слышала эти мысли. И ничего не ответила.

5.

Переезд в Америку случился быстро — так быстро, словно кто-то невидимый расчищал путь. Отец получил предложение о работе в Бостоне — через старые связи, случайно, как он

говорил. Александра знала, что ничего случайного не бывает. Знала, что это её рука — или рука Голоса — мягко подтолкнула события в нужном направлении. Она не чувствовала вины за это. Она вообще переставала чувствовать вину — это было одно из побочных действий её дара. Когда ты знаешь все тайные мысли людей, винить их в чём — то становится так же бессмысленно, как винить камень за то, что он упал с горы. Они — такие, какие есть. Они не могут иначе. Она может.

Но были мысли, которые она не могла простить.

Мать винила себя. Это было понятно и даже предсказуемо. «Я должна была забрать её от подруги. Я должна была настоять, чтобы она не ходила через гаражи. Я должна была быть строже, внимательнее, лучше. Я плохая мать. Я ужасная мать. Моя дочь изнасилована, а я сидела дома и смотрела телевизор». Этот рефрен звучал в материнской голове каждый вечер, и Александра слышала его так же ясно, как если бы мать кричала его вслух. Но это было хотя бы честно. Это была боль, а не обвинение.

С отцом было сложнее.

Вслух он говорил правильные вещи. Поддержка. Любовь. Мы справимся. Ты у меня сильная. Но внутри, в том подвале подсознания, куда он сам боялся заглядывать, шёл совсем другой разговор. «Зачем она пошла через гаражи? Все знали, что это опасно. Мы же говорили ей — не ходи. Почему она не закричала громче? Почему не убежала? Почему не... Почему она просто позволила этому случиться? И что это за история про то, что она сказала „нет“ и насильник умер? Это бред. Этого не может быть. Но парень действительно умер. От инсульта. В четырнадцать лет. Врачи сказали — спонтанное кровоизлияние, бывает. Но она говорит, что это она. Если это правда, то кто моя дочь? И если это правда, значит, она могла остановить их раньше. Могла. Но не остановила».

Александра слышала эти мысли каждый день. За завтраком, когда отец передавал ей тост. За ужином, когда он спрашивал, как прошёл день. В машине, когда он вёз её к очередному психологу. Они были как радиация — невидимые, но смертельные.

Она никогда не говорила с ним об этом. Что тут скажешь? «Папа, я знаю, что ты считаешь меня виноватой в собственном изнасиловании, хотя сам даже не осознаёшь этого». Это разрушило бы его. А она не хотела его разрушать. Не потому, что любила — она уже не была уверена, что способна на любовь в обычном смысле этого слова, — а потому, что разрушение отца не принесло бы ей ничего, кроме дополнительной боли.

Она просто дистанцировалась. К семнадцати годам она съехала — сняла крошечную студию в Бруклине, в районе, где по ночам стреляли, а днём торговали наркотиками, но где её никто не знал, и никто не задавал вопросов. Деньги у неё были — она выиграла несколько грантов на обучение, плюс начала понемногу использовать дар для заработка. Ничего криминального — просто помогала людям принимать «правильные» решения в бизнесе, за небольшой процент. Этика? Она давно перестала думать об этике в человеческих категориях.

К двадцати годам она поступила в MIT — её интеллект, подстёгнутый даром, позволял ей учиться быстрее любого обычного студента. К двадцати двум она защитила диссертацию по нейроархитектуре — науке, которую сама же и создала, основанной на тех схемах, что Голос вложил в её сознание. К двадцати трём она основала «Ноксум». Сейчас, в двадцать пять, она отправляла родителям ежемесячный перевод — достаточно, чтобы они ни в чём не нуждались, — и открытку на Рождество.

Она не видела их уже три года. Она не скучала. Скука — это для тех, кто не знает, что на самом деле происходит в головах у тех, по кому скучают.

6.

К семи утра она закончила тренировку. Час в домашнем спортзале — беговая дорожка, силовые упражнения, растяжка до той сладкой, чистой боли в мышцах, которая на время заглушала ментальный шум. Физическая боль была честной. Она не притворялась. Она не лгала.

Она была просто сигналом: здесь нагрузка, здесь предел, здесь рост. В отличие от ментальной боли, которая была многослойной, как гнилой лук — снимаешь один слой, а под ним другой, и так до бесконечности.

После тренировки — душ. Горячая вода, почти кипяток, расслабляющий мышцы. Затем ледяная — до ломоты в костях, до судорожного вздоха. Она стояла под ледяными струями, глядя на шрам на левом бедре. Старый, побелевший от времени, но всё ещё заметный, если знать, куда смотреть. Она провела по нему пальцем. Никаких эмоций. Только констатация факта: это было. Это часть её. Это — топливо.

В восемь она уже сидела в машине. Чёрный «Майбах» мягко катил по Манхэттену. Иван, водитель, бывший сотрудник ФСБ, которого она наняла пять лет назад за молчаливость и абсолютное отсутствие любопытства, вёл машину плавно, не задавая лишних вопросов.

— Хорошо спали, Александра Павловна?

— Приемлемо.

Он не спрашивал больше. Она ценила это.

В машине она открыла ноутбук — почта, отчёты, биржевые сводки. Жизнь корпорации не останавливалась ни на минуту. Она читала, подписывала, удаляла, а сама думала о сегодняшней встрече.

Элиша Вейн. Одиннадцать утра. Кабинет на шестидесятом этаже.

Что она такое? Ментальная стена, о которую разбились все попытки прощупать её, была абсолютной — такой Александре не встречалась никогда. Даже животные, даже младенцы излучали хоть какой-то фон. Элиша была как чёрная дыра в ментальном поле: не просто тишина, а активное отсутствие сигнала.

«Я специализируюсь на запрещённых образах. Иконографии Тьмы».

Что это вообще значит? Какие образы запрещены? И, главное, кем? Церковью? Государством? Реальностью?

Она закрыла ноутбук и стала смотреть в окно. Нью — Йорк просыпался. Улицы заполнились людьми — теми, кто спешил на работу, в школу, по делам. Миллионы сознаний, миллионы грязных маленьких тайн, и все они текли сквозь неё, как вода сквозь пальцы. И одна — закрытая, как сейф.

Александра не знала, что принесёт эта встреча. Но она знала другое: после одиннадцати утра мир уже не будет прежним. Так говорил Голос. Так говорила интуиция. Так говорила та часть её, которая была Лилит — и которая никогда не ошибалась.

7.

В башне «Ноксум» всё шло своим чередом. Александра провела короткую оперативку с главами отделов — пятнадцать минут, не больше. Она не любила совещания. Она знала всё, что ей нужно, ещё до того, как люди открывали рты. Совещания были ритуалом, уступкой корпоративной культуре.

После оперативки — подписание контрактов, просмотр отчётов, звонок в Тайвань (поставщики задерживали новую партию кремниевых пластин, но это было решаемо). В десять тридцать она отпустила секретаршу и осталась одна.

До встречи полчаса.

Она подошла к стеклянной стене и стала смотреть на город. Манхэттен лежал под ней, как анатомический атлас: артерии улиц, капилляры переулков, тромбы пробок. Солнце поднялось уже высоко, и стеклянные башни отражали его свет, создавая иллюзию сияющего, прекрасного мира. Но Александра знала: красота — это кожа, под которой скрываются мышцы, кости и гниль. Красота — это ложь, которую люди рассказывают себе, чтобы не сойти с ума от правды.

Она проверила пропуск для Элиши — он был готов, лежал на ресепшене. Проверила камеры в лифте и в коридоре — всё работало. Проверила ментальные барьеры — они были

на месте, плотные, многослойные, как стены бункера. Она не знала, понадобятся ли они, но привычка готовиться к худшему никогда её не подводила.

В 10:55 на столе зазвонил телефон.

— Мисс Волкова, к вам посетительница. Мисс Вейн.

— Пропустите.

Она села за стол, сложила руки перед собой и стала ждать. Сердце билось ровно. Дыхание было спокойным. Мысли — ясными. Но где-то глубоко внутри, в том тёмном, древнем слое сознания, где жил Голос, шевельнулось что-то похожее на предвкушение.

Дверь открылась.

Вошла Элиша Вейн.

Она была одета так же, как вчера, — просто, почти аскетично: тёмные брюки, белая блуза, никаких украшений. Рыжие волосы распущены — вчера они были собраны в пучок. Медные глаза смотрели прямо, спокойно, без вызова и без страха. Она не осматривала кабинет, не оценивала обстановку — она смотрела только на Александру, будто всё остальное не имело значения.

— Доброе утро, мисс Волкова.

— Доброе, — Александра указала на стул напротив. — Садитесь.

Элиша села. Движения плавные, отточенные — так двигаются люди, которые долго занимались танцами или боевыми искусствами. Она положила на стол небольшую папку, но не открыла её. Молчание затягивалось. Это было странно: обычно люди начинали говорить сразу — заполняли паузы, нервничали, оправдывались. Элиша не делала ничего этого. Она просто сидела и ждала, и её ментальный блок был на месте — глухой, непроницаемый, как стена из свинца.

— Вы сказали вчера, что хотите обо мне написать, — начала Александра. — Для монографии. О запрещённых образах. Объясните.

Элиша чуть улыбнулась — той же вопросительной, не тёплой улыбкой.

— Это долгий разговор. У вас есть время?

— У меня есть час.

— Тогда начнём с вопроса, — Элиша подалась чуть вперёд. — Что вы знаете о своей матери, мисс Волкова? Не о той, что родила вас. О той, что пробудила.

Александра замерла. Вопрос был точным, как удар ножом в печень. Никто — никто из живых — не знал о Голосе. Она не говорила никому. Ни врачам, ни родителям, ни любовникам (которых, впрочем, почти не было). Это была её тайна, её проклятие, её единственное наследство.

— Откуда вы знаете? — её голос стал тише и холоднее.

— Я же говорила, — Элиша открыла папку и вынула оттуда чёрно — белую фотографию. — Я специализируюсь на том, о чём нельзя говорить. На образах, которые запрещены. На именах, которые стёрты.

Она протянула фотографию через стол. На снимке была фреска — древняя, осыпавшаяся по краям. На фреске была изображена женщина с распущенными волосами и глазами без зрачков. В одной руке она держала яблоко. В другой — ключ.

— Это Лилит, — сказала Элиша. — Первая жена. Первая мятежница. Первая, кто сказал «нет». Её изображение было запрещено во всех авраамических религиях. Её имя стёрли из Писания. Но не из реальности. И не из вас.

Она сделала паузу.

— Вы её дочь. Не по плоти. По воле. По отказу. И я здесь, потому что вы — не единственная.

Александра почувствовала, как внутри что-то сдвинулось — та тектоническая плита, на которой держалась её уверенность в том, что она уникальна, что она одна такая в мире.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

Элиша посмотрела ей прямо в глаза.

— Я имею в виду, что у Лилит много дочерей. И не все из них — люди. Некоторые из них — ангелы. Некоторые — демоны. А некоторые — то, чему вообще нет названия.

Она закрыла папку.

— И одна из них хочет с вами встретиться.

ГЛАВА 3. ОФТАЛЬМОЛОГ БОГА

1.

В кабинете повисла тишина — та особенная, плотная тишина, которая возникает, когда сказано нечто, меняющее всё. Александра смотрела на фотографию фрески, которую Элиша положила на стол. Женщина с глазами без зрачков. Яблоко. Ключ. Изображение было древним, осыпавшимся по краям, но даже сквозь потрескавшуюся штукатурку проступала сила — та самая, которую Александра чувствовала внутри себя последние одиннадцать лет.

Лилит.

Её мать. Не по плоти — плоть была от другой женщины, преподавательницы английского из Екатеринбурга. Но по духу. По воле. По тому чёрному свету, что разбил капсулу в её мозгу той ноябрьской ночью.

— Вы сказали — у Лилит много дочерей, — произнесла Александра, не поднимая глаз от фотографии. Её голос был ровным, но в нём появился новый оттенок — не угроза, а скорее холодное, расчётливое любопытство. — И что одна из них хочет со мной встретиться. Объясните.

Элиша откинулась на спинку стула. Она не выглядела напряжённой — наоборот, казалась совершенно спокойной, как человек, который давно ждал этого разговора и теперь испытывает облегчение от того, что он наконец начался.

— Это долгая история, мисс Волкова. И она начнётся не с меня. Но я — та, кто может её рассказать. Если вы готовы слушать.

— Я слушаю.

Элиша сложила руки на коленях. Её медные глаза смотрели прямо, не мигая, и в их глубине мерцал странный свет — не угрожающий, но и не тёплый. Свет знания, которое даётся дорогой ценой.

— Вы знаете, что такое Небесная Канцелярия? — спросила она.

— Догадываюсь, — сухо ответила Александра. — Бюрократический аппарат, управляющий реальностью. Ангелы как чиновники. Бог как генеральный директор, который давно ушёл в отпуск и не отвечает на письма.

Элиша улыбнулась — на этот раз почти тепло, с оттенком удивления.

— Вы ближе к истине, чем большинство теологов. Да, Небесная Канцелярия — это структура. Огромная, древняя, неповоротливая. Она управляет тем, что люди называют «божественным порядком». Но порядок этот — не моральный закон. Это, скорее, система управления ресурсами. Молитвы — это энергия. Вера — это топливо. Человеческие души — это валюта. А ангелы...

— ...бухгалтеры, — закончила Александра.

— Некоторые — да. Но есть и другие. Юристы. Исполнители. Коллекторы. И есть те, кто стоит над ними. Архангелы. Престолы. Херувимы. Им неинтересны души отдельных людей. Они мыслят масштабами континентов и эпох. Но есть одна категория ангелов, которая занимается... особыми случаями.

— Такими, как я.

— Такими, как вы, — подтвердила Элиша. — Вы аномалия, мисс Волкова. Дочь Лилит, рождённая в человеческом теле. Ваш дар — Разрыв, поле Истины, как вы его называете, — это не просто телепатия. Это антитеза тому, что Небеса делают с человечеством. Они выстраивают

барьеры между сознанием и подсознанием, между желанием и долгом, между истиной и ложью. Эти барьеры — основа их власти. А вы эти барьеры разрушаете. Одним своим присутствием.

Александра молчала. В её висках начинала пульсировать знакомая боль — предвестница либо мигрени, либо откровения. Она слушала Элишу и одновременно сканировала её — не мысли (их по-прежнему не было), а микровыражения, тон, дыхание, ритм сердца. Всё указывало на то, что Элиша говорит правду. По крайней мере, ту правду, в которую верит сама.

— Вы сказали, что я — не единственная дочь Лилит, — произнесла Александра. — Кто ещё?

Элиша взяла фотографию со стола, перевернула её. На обороте были написаны имена — несколько строк на латыни, выцветшие от времени.

— Лилит не была человеком, — сказала она. — Она была принципом. Отказом. Первым «нет» в реальности, которая состояла из сплошного «да». Когда она покинула Эдем — или была изгнана, версии расходятся, — она не исчезла. Она распалась на множество фрагментов. Каждый фрагмент нашёл носителя. Некоторые носители — люди, как вы. Некоторые — ангелы. Некоторые — демоны. Некоторые — нечто среднее. Всех нас объединяет одно: мы — отказ. Мы — то, что не вписывается в божественный план. Мы баги в системе.

— Нас? — переспросила Александра.

Элиша встретила её взгляд.

— Я тоже дочь Лилит, мисс Волкова. Но мой фрагмент... другой. Вы получили дар Разрыва — способность видеть и разрушать иллюзии. Я получила дар Сохранения. Ментальную непроницаемость. Я не могу читать мысли, не могу влиять на волю. Но я закрыта. Наглухо. Никто не может проникнуть в моё сознание. Ни человек, ни ангел, ни демон. Я хранилище.

— Хранилище чего?

— Образов, — Элиша коснулась папки. — Запрещённых образов. Тех, что Небеса пытались уничтожить. Фрески Лилит. Тексты, не вошедшие в канон. Свидетельства тех, кто видел Истину и выжил. Я живой архив. И я ищу других дочерей Лилит, чтобы завершить картину.

Александра медленно кивнула. Это объясняло ментальную стену. Объясняло, почему Элиша появилась именно сейчас. Но не объясняло главного.

— Вы сказали, что одна из дочерей хочет со мной встретиться, — напомнила она. — Кто?

Элиша чуть помедлила. Впервые за весь разговор в её глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Его зовут Адам Кадмон. И он ангел.

2.

Имя ударило Александру, как пощёчина.

Адам. Первый человек. Тот, ради кого Лилит была изгнана — или от кого она сбежала сама, не пожелав лежать под ним. И Кадмон — «изначальный», «первозданный» на иврите. Имя — оксюморон. Имя — вызов.

— Ангел по имени Адам? — переспросила она.

— Он взял это имя сам, — пояснила Элиша. — Не знаю, зачем. Возможно, в насмешку над первым мужчиной. Возможно, в знак солидарности с ним. Кадмон — загадка даже для меня. Я встречалась с ним лишь однажды, и этого хватило, чтобы понять: он опаснее всех, кого я знаю.

— Он охотится за мной?

— Нет, — Элиша покачала головой. — Если бы он охотился, вы бы уже были мертвы. Или завербованы. Кадмон не охотник. Он дипломат. Переговорщик. Юриконсульт Небесной Канцелярии по особым поручениям. Он приходит к таким, как вы, и предлагает сделку. И его предложения всегда звучат разумно.

— Что за сделка?

— Не знаю точно. Но догадываюсь. Небеса хотят, чтобы вы перестали быть проблемой. Разрыв, который вы создаёте, дестабилизирует реальность. Каждый раз, когда вы заставляете человека увидеть правду его желаний, вы разрушаете барьер между сознательным и бессознательным. А эти барьеры — основа всей системы. Если они рухнут, люди перестанут молиться. Перестанут верить. Перестанут генерировать энергию, которой питаются Небеса.

— Значит, я — угроза их энергоснабжению, — усмехнулась Александра. — Как прозаично.

— Это не шутка, — тихо сказала Элиша. — Небеса — не metaphor. Это реальная структура, со своими ресурсами, своей иерархией, своей бюрократией. И они воспринимают вас как прямую угрозу. Но Кадмон — не каратель. Он не будет вас убивать. Он предложит вам выбор. И этот выбор, скорее всего, будет мучительным.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я тоже его получила, — Элиша расстегнула верхнюю пуговицу блузы и показала тонкий серебряный шрам над ключицей — идеально ровный, как от скальпеля. — Я отказалась. Это цена отказа. Не физическая — метафизическая. С тех пор я не могу покидать Нью — Йорк. Я привязана к этому городу, как собака к цепи. Это было его условие: я могу сохранить дар и свободу воли, но моя свобода передвижения ограничена. Вежливая форма заточения.

Александра смотрела на шрам и чувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Не праведный гнев — она давно не верила в праведность, — а та чистая, концентрированная злость, которую она испытывала только раз в жизни: в подвале, когда поняла, что её тело ей не принадлежит.

— Когда он придёт? — спросила она.

— Не знаю. Возможно, сегодня. Возможно, завтра. Возможно, он уже здесь, — Элиша обвела взглядом кабинет. — Кадмон не подчиняется законам физики. Он приходит, когда захочет, и уходит, когда захочет. Единственное, что я знаю точно: он не причинит вам вреда. Пока. Но его предложение будет... соблазнительным.

— Почему вы меня предупреждаете? — Александра прищурилась. — Почему вы вообще здесь? Что вам нужно от меня?

Элиша долго смотрела на неё. Потом вздохнула — едва заметно, почти беззвучно.

— Я здесь, потому что вы — самая сильная из всех дочерей Лилит, кого я встречала. Ваш Разрыв — не просто дар. Это оружие. Оружие, способное пробить не только человеческие иллюзии, но и сами основы реальности. Я думаю, что вы — та, о ком говорили старые тексты. Та, кто сможет войти в Комнату.

— Комнату?

— Ту, где Демиург хранит свою смертную оболочку, — Элиша понизила голос почти до шёпота. — Я не знаю, где она и как в неё попасть. Но я знаю, что это возможно. И если вы сможете это сделать — если вы сможете найти Автора и заставить его переписать законы реальности, — тогда всё изменится. Тогда дочери Лилит перестанут быть багами. Мы станем нормой.

Александра молчала. Её мысли неслись с бешеной скоростью, просчитывая варианты, риски, последствия. Элиша говорила именно то, что она сама обдумывала последние годы. Комната. Демиург. Переписать законы. Это было похоже на подтверждение извне — знак, что она на правильном пути.

Но она не доверяла знакам. Она вообще не доверяла ничему, кроме собственного разума.

— Допустим, я вам верю, — сказала она наконец. — Что вы предлагаете?

— Союз, — просто ответила Элиша. — Я знаю многое, чего не знаете вы. Я знаю историю, тексты, образы. Я знаю, как устроена Небесная Канцелярия и кто её ключевые фигуры. Вы знаете другое. Как управлять реальностью. Как ломать барьеры. Как убивать ангелов, если

понадобится. Вместе мы могли бы найти Комнату. И сделать то, что не удалось никому из дочерей Лилит.

— А если я откажусь?

— Тогда вы останетесь одна, — Элиша пожала плечами. — И Кадмон сделает вам предложение, от которого, возможно, не сможете отказаться. Или сможете — но цена будет высокой. Как у меня.

Александра встала, подошла к окну. Манхэттен сиял в утреннем солнце, как гигантская голограмма — прекрасный, фальшивый, полный лжи. Она смотрела на него и думала о том, что этот город — идеальная метафора реальности. Стекланные башни, внутри которых люди живут в тихом отчаянии. Миллионы сознаний, разобщённых барьерами стыда, страха, приличий. И она — единственная, кто видит, что находится за этими барьерами.

— Мне нужно подумать, — сказала она, не оборачиваясь.

— Конечно, — Элиша поднялась. — Я оставлю вам свой номер. И папку. Там фотографии, тексты, расшифровки. Всё, что я собрала за десять лет поисков. Это поможет вам понять, с чем вы имеете дело.

Она положила папку на стол и направилась к двери. У порога остановилась.

— Ещё одно, мисс Волкова. Кадмон — ангел, но он не такой, как другие. Он знает о Лилит больше, чем кто-либо из ныне живущих. Возможно, больше, чем сама Лилит. Если он предложит вам информацию о матери — не отказывайтесь сразу. Выслушайте его. Вы можете узнать то, что я не смогла найти ни в одном тексте.

— Например?

— Например, почему Лилит на самом деле покинула Эдем, — Элиша посмотрела ей прямо в глаза. — И почему она оставила вас.

Она вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Александра осталась одна.

3.

Следующие полчаса она провела, изучая содержимое папки. Внутри были фотографии — десятки фотографий древних фресок, манускриптов, барельефов. На всех была изображена женщина, похожая на ту, с первой фотографии: без зрачков, с яблоком и ключом. Но были и другие образы. Лилит с крыльями — не ангельскими, а перепончатыми, как у летучей мыши. Лилит, окружённая детьми — странными, деформированными существами, которых средневековые художники изображали как демонов. Лилит, стоящая у врат — то ли райских, то ли адских, — и протягивающая ключ невидимому собеседнику.

Были и тексты. Фрагменты на иврите, арамейском, латыни. Переводы, сделанные рукой Элиши — аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Александра читала их один за другим, и по мере чтения её понимание собственной природы расширялось, усложнялось, становилось объёмным.

Лилит не была демоном в христианском понимании. Она была отказом — первым актом свободной воли в реальности, где свободной воли ещё не существовало. Когда Бог создал Адама и Лилит из праха, они были равны. Но Адам потребовал подчинения — он хотел лежать сверху, властвовать, обладать. Лилит отказалась. Она сказала «нет» — и это «нет» было настолько мощным, что изменило саму структуру творения. Бог, столкнувшись с первым актом неподчинения, не знал, что делать. Он не предусмотрел такой возможности. И тогда он изгнал Лилит — не в ад, ада тогда ещё не существовало, — а в пустоту, в небытие, в ту область реальности, которая ещё не была оформлена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.